
Виталий ТРЕТЬЯКОВ

РУССКАЯ ПОЛИТИЯ XXI ВЕКА
Электоральный цикл 2007/2008
и очертания будущей государственности

В политической культуре античной Греции существовало понятие «полития». Оно означает такое государственное устройство, которое лишено крайностей и перегибов и которое, следовательно, является максимально органичным для общества в целом и для каждой конкретной личности – члена этого общества – в частности. Думаю, что этот термин было бы уместно употребить при разговоре и о нашем чаемом будущем. То есть не просто о будущем политической конструкции России, каким оно предстает в разного рода прогнозах, претендующих на объективность и потому демонстративно отстраненных и безучастных, но именно о максимально желательном будущем. Будущем, рассмотренном в модальности и возможности, и шанса, и оптимума...

Переживаемая в настоящее время Россией последекабрьско-предмартовская политическая пора подталкивает к размышлениям именно о таком будущем, тем более что сама ситуация транзита власти и зарождения очертаний, возможно, нового (несмотря на всю риторику о преемственности курса и пр.) режима фактически переводит разговоры о будущей политической системе России в практическую плоскость.

Правда, слишком многое в этом «практическом прогнозировании» представляется мне крайне противоречивым и слишком плоским в смысле выведения из специфической ситуации ухода-неухода Путина, из конъюнктуры окончательного разрыва с «политическим наследием» Ельцина. Особенно на фоне едва ли не космических тенденций постоянного попятного развития России («десять лет оттепели – девяносто лет заморозков»).

Лично я постоянно ощущаю поступательное движение нашей страны, но, конечно, не плавное, а толчками и, безусловно, спиралью накручивающееся на вертикаль архетипов русско-российского самодержавного самоуправления, волею истории и российских народов собравшего в многообразное, но единое целое шестую-седьмую часть земной суши.

СУМЯТИЦА ЗРЕЛЫХ УМОВ

Будучи всего лишь журналистом, пишущим на политические темы, я не рискну утверждать, что наши ведущие (или самые известные) профессиональные (в смысле образования) политические мыслители суть умы незрелые. Более того, я исхожу из прямо противоположной гипотезы. Но тогда почему же так очевидно противоречивы оценки политических действий одного человека – а именно президента Путина – в рамках одной политической операции передачи власти внутри своей команды?

Приведу примеры того, что я имею в виду.

Абсолютное большинство весьма зрелых политических умов требовали от Путина отказаться от третьего президентского срока, если даже третий срок стал бы следствием абсолютно конституционной процедуры. И состоявшийся отказ приветствовали грандиозной и совершенно искренней овацией.

Решение того же Путина сделать своим преемником на президентском посту одного из членов своей команды, причем явно не худшего, большинством тех же умов было воспринято негативно и осуждено.

Вряд ли, по мнению этих умов, Путин является настолько противоречивой и мятущейся натурой, чтобы, сделав сегодня добро для

России, завтра по недомыслию сотворить ей симметричное по содержанию зло. Скорее, эти умы видят в таких действиях президента сочетание стратегически верного решения с тактически ошибочным, предполагая, что сумма тактических ошибок в конце концов похоронит под собой и стратегически правильную линию.

Я же в связи с реализацией операции «Преемник» считаю, что, напротив, не стратегическая, конечно, а оперативная ошибка совершена Путиным именно при решении отказаться от третьего срока, что автоматически потребовало форсированного продвижения преемника, а для этого и единороссовской монополизации Государственной Думы. То есть убежден, что смешно и бессодержательно инкриминировать Путину в качестве ошибочного шага то, что он вынужден был сделать, раз уж в главном и принципиальном (стратегическом) солидаризировался с мнением тех, кто отстаивал и приветствовал отказ от третьего срока.

Сейчас я не буду в очередной раз отстаивать правоту конкретно этой своей позиции. Я просто хотел показать, что в зависимости от определения приоритетов, субъективного восприятия того, что является стратегическим, а что – тактическим, одни и те же действия одного и того же лица могут оцениваться прямо противоположным образом.

В общем-то, мне ясно, где лежит водораздел между двумя разными логиками, содержание которых я попытался проиллюстрировать примерами разных оценок одних и те же действий Путина.

Противники третьего срока руководствуются императивом «Россия для демократии», а я существенно (но не противоположно) иным – «Демократия для России». И именно потому, что считаю и Путина приверженцем такой же логики, и удивлен его отказом от третьего срока, и считаю этот отказ ошибочным.

В контексте данной статьи указание на эти нюансы важно вот почему. Я не считаю операцию «Преемник» в обеих ее фазах (думские и президентские выборы) предопределяющей будущее политическое устройство России, тогда как очень многие прямо выводят из полупартийности пятой Государственной Думы и передачи президентской власти от Путина к Медведеву из рук в руки все свои представления о том, какой, причем непременно, мы увидим политическую конструкцию нашей страны через 20–30–50–60 лет.

Я вообще крайне критически (точнее, наверное, нейтрально-скептически) отношусь как к официальной, так и к оппозиционной оценкам и итогов выборов 2 декабря 2007 года, и самого факта избрания пятой Государственной Думы. Таково же мое отношение и к тому, что на момент написания этой статьи еще не случилось, но непременно случится 2 марта 2008 года. Меня даже не удивит и не обескуражит, если вдруг после выборов 2 марта (или майской инаугурации нового президента) выяснится, что Владимир Путин поменяет свое решение и не займет пост главы правительства при президенте Медведеве. Все это совершенно или почти не важно для прогностического описания русской политики XXI века. Во всяком случае, гораздо менее важно, чем давно уже себя проявившие фундаментальные тенденции политического развития России и стратегические вызовы, уже брошенные ей, и те, что явно будут брошены в ближайшем и более отдаленном будущем.

Попробую показать это на примере развития отечественного парламентаризма, удобным поводом для чего и является самая свежая на момент написания этой статьи завершенная политическая кампания – избрание пятой Думы.

НЕ В ДУМЕ СЧАСТЬЕ

Многие считают, что избрание 2 декабря 2007 года нового состава Государственной Думы стало важнейшим политическим событием в жизни России не только содержательно, но и символически.

Причины этого известны. До Февральской революции 1917 года, в условиях квазиконституционной монархии, учрежденной манифестом Николая II в 1905 году, успели поработать четыре состава Думы. Таким образом, избранная в конце 2007 года в пятый раз за постсоветский период нижняя палата современного российского парламента, названная в честь своей исторической предшественницы, самим фактом пятой легислатуры фиксирует, как любили выражаться большевики, коренной перелом в развитии отечественного парламентаризма: роковой рубеж в «четыре Думы» преодолен, за пятой Думой последует, как уверены почти все, шестая, далее – седьмая и т.д. Следовательно, парламент жи-

вет, укрепляется, а потому и расцветает. А сто лет назад, как раз в 1917 году, аналогичный процесс был пресечен и приостановлен на много десятилетий.

Этим рассуждениям нельзя отказать в определенной логике, но лично я смотрю на историю нашего парламентаризма, в том числе и новейшую, несколько иначе, а главное – не в существовании (или отсутствии) парламентских институтов как таковых вижу наиболее значимые проблемы, с которыми сталкивается политическая жизнь современной России.

Теперь необходимо сказать несколько слов о моем понимании истории отечественного парламентаризма – опять же не для того, чтобы принизить значение пятой Государственной Думы, а лишь затем, чтобы дать исторический и содержательный фон тем проблемам, с которыми этот институт сталкивается сегодня и без преодоления которых он может существовать сколь угодно долго и в будущем, но лишь в качестве исключительно формальной традиции.

Не буду заглядывать в совсем уж далекое прошлое (а ведь есть мнение, что русский парламентаризм ведет свою историю от новгородского вече, боярских дум, земских соборов и прочих представительных учреждений Древней и Средневековой Руси) – начну с собственно думской монархии.

СОВЕТСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

Строго говоря, если бы Николай II не распустил первую и вторую Думы из-за недовольства их работой, до 1917 года их набралось бы максимум три. Следовательно, сама по себе цифра «четыре» совершенно случайна, а преодолеть случайно возникший рубеж – совсем не подвиг и уж тем более не подвиг политический.

Но главное не в этом.

Я утверждаю, что развитие парламентаризма в России не пресекалось и в советские годы. И дело даже не в том, что на протяжении нескольких лет после Октября 1917 года помимо большевиков в стране фактически функционировали партии меньшевиков и эсеров. Главное, не станем забывать, что и сам Советский Союз, и все входившие в него союзные территории и автономные образова-

ния по своим конституциям были парламентскими республиками. И выборы в советские парламенты (после принятия Конституции 1936 года они назывались Верховными Советами) проводились регулярно. Конечно, в советском государстве-партии, весьма специфическом и крайне интересном политическом образовании, реальная политика определялась решениями партийной номенклатуры. При этом и сама партия, согласно ее уставу, была построена на демократически-парламентских основаниях. Но, конечно, начиная со сталинского правления – лишь формально. И только Михаил Горбачев вдохнул в советский (то есть тоже отечественный) парламентаризм живую силу, за что, правда, исторически и политически поплатился.

В связи с этим, а также исходя из анализа событий, давших толчок реальному развитию новейшего отечественного парламентаризма, я веду отсчет его истории не от избрания в декабре 1993 года первой из современных Государственных Дум, а от 1989 года – от первого Съезда народных депутатов СССР. Кстати, именно в работе этого съезда сразу же проявились те тенденции в деятельности наших, как они любят сами себя называть, «народных избранников», которые и делали сам парламент проблемой для политики и судьбы России. В этом смысле первый и последующие съезды народных депутатов СССР прямо наследовали царским Думам, а как раз современные (от декабря 1993 года) Думы, по сути, куда более лояльны по отношению к высшей власти и не составляют для нее такой проблемы, какой были Думы начала XX века для Николая II, съезды народных депутатов СССР – для Михаила Горбачева и Верховный Совет России (в 1992–1993 годах) – для Бориса Ельцина.

На этом я поставлю точку в моем кратчайшем историческом экскурсе и далее, рассуждая о настоящем и будущем российской политической системы, буду отталкиваться от декабря 1993 года как формального рубежа рождения современного отечественного политического механизма и Конституции того же года как законодательной основы его существования и функционирования. Однако это не значит, что я не буду постоянно и непременно подразумевать и иметь в виду те факты и утверждения, которые изложил выше. Ибо без этого, на мой взгляд, все разговоры на данную тему либо бессмысленны, либо мифологичны, либо непродуктивны.

Пять Дум: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Итак, на данный момент история русского парламентаризма в его нынешнем виде насчитывает четыре полные думские легислатуры, причем две из них пали на правление Бориса Ельцина, а две последние – на президентство Владимира Путина.

Первая и вторая Думы вследствие наличия в них очень сильных коммунистических и вообще левых фракций были более оппозиционны Кремлю, особенно вторая (в начале 1996 года, накануне президентских выборов, Ельцин даже был готов ее распустить, а фактически – разогнать). Думы третьего и четвертого созывов, в которых доминировали уже прокремлевские партии, проявляли по отношению к президенту и правительству максимальную, а четвертая – даже и чрезмерную лояльность. Это сняло проблему доходящего до политических кризисов противостояния Кремля и парламента, но, естественно, породило упреки (и небезосновательные) в подконтрольности Думы президентскому аппарату, а следовательно – и в умалении реальной роли парламента в политической жизни России.

Фактически при каждом новом созыве в Думе уменьшалось число партийных фракций (от семи в первой до четырех в четвертой). Во всех пяти Думах сумели сохранить себя только КПРФ и ЛДПР. Пик представительства и влияния коммунистов пришелся на вторую Думу, партии Жириновского – на первую.

К четвертой Думе обе эти «старейшие» думские партии России, однако, пришли с минимальным числом мандатов. При этом коммунисты практически всегда выступали как оппозиция правительству и президенту (при Ельцине – определенно, при Путине – в меньшей степени). Зато опирающаяся на протестно-маргинальные слои электората ЛДПР в условиях слабости прокремлевских фракций в первых двух Думах умело – при публичном фрондерстве – вступала в закулисный союз с Кремлем и правительством и тем самым обеспечивала свое парламентское долголетие. Строго говоря, ЛДПР всегда выступала не как оппозиционная партия или партия, представляющая оппозиционно настроенных избирателей, а как бизнес-проект, работающий в сфере политики, – и не более того.

В каждой из четырех Дум присутствовала и так называемая партия власти – но всякий раз под новыми названиями, при новых лидерах и с иной идеологией. Гайдаровский «Демократический выбор России», черномырдинский «Наш дом – Россия» и нынешняя «Единая Россия», то есть партии, каждая из которых в свое время считалась партией власти, – это очень разные конгломераты идей и людей.

Если в первой, второй и третьей Думах присутствовали как левая, так и правая (в нашей, отечественной, трактовке) оппозиции, то в четвертой Думе правых (либералов) не осталось вовсе, но левая оппозиция (в лице коммунистов), естественно, сохранилась.

То есть и по числу фракций, и идеологически Дума постепенно становилась все более однородной, менее радикальной, более левой или, во всяком случае, центристской и точно менее либеральной.

Пятая Дума практически полностью вписалась во все отмеченные выше тенденции, не внося на данный исторический момент ничего нового в картину возможного будущего что русской политики вообще, что политического устройства Российского государства и даже просто его парламентской системы в частности.

Безусловно, конституционное большинство, которое получила в пятой Думе «Единая Россия», так или иначе контролируемая Владимиром Путиным, и передача президентской власти из рук в руки от Путина Медведеву, являющемуся (доказательств иного пока нет) верным соратником второго президента и продолжателем его дела, в совокупности своей создают практическую возможность реализации любой политической реформы (несколько упрощенно говоря, в промежутке от продолжения линии на неприкосновенность Конституции 1993 года до полного ее переписывания). Но извлечь из этого триумфа «двойной преемственности» что-либо содержательное для прогнозирования будущей политической конструкции, которая будет выстроена (или естественным образом самовыстроится) внутри России, практически невозможно.

НА ТРЕХ ВЕТРАХ

Концентрация внимания и отечественных, и зарубежных экспертов на ходе и результатах думско-президентской кампании 2007/2008 мне

малопонятна. Я считаю, что эта кампания, а точнее – политическая операция, проявленная в ходе этой кампании, безусловно, имеет тактический и политический смыслы, но стратегией здесь практически не пахнет.

Тактически кампания 2007/2008 имела целью приведение к власти в стране конкретного преемника президента Путина, то есть Медведева, и – для облегчения его работы на первых порах – получение конституционного большинства парламентских мандатов партией «Единая Россия», присягнувшей на верность лично Путину.

Операция «Преемник» (то есть думско-президентская кампания 2007/2008) имела целью сохранение «курса Путина», гарантией чего и является Медведев в Кремле, «Единая Россия» в Думе, сам Путин – в кресле главы правительства, а члены его команды – на ключевых финансовых и иных бизнес-постах (эта часть операции «Преемник» была проведена самим Путиным еще до начала и декабрьских, и мартовских выборов). То есть преемственность курса через сохранение команды на ключевых политических и экономических высотах.

Стратегически это не означает ровно ничего, так как в создавшихся условиях далее эта команда в принципе может проводить любую политику (но проводить, конечно, будет определенную – об этом ниже).

Что же тогда существенно? Существенно то, что и сама команда, и Медведев как президент, и монополизм «Единой России» не стали и не могли стать константами в политической конструкции Российского государства, ибо Россия в целом по-прежнему находится одновременно в трех переходных периодах (и это даже без учета экономического транзита, к чему я бы добавил еще и идеологический, и морально-психологический как минимум).

Первый переходный период – собственно российский политический транзит, начавшийся в середине 80-х годов и до сих пор не завершившийся.

Второй переходный период – транзит (радикальная трансформация или даже мутация) западной политической модели (демократии), по образцам и лекалам которой мы пытались (и достаточно безуспешно) выстроить свою политику в сжатые исторические сроки.

Третий переходный период – политический транзит всего мирового устройства, геополитического баланса сил, всей системы международных связей, отношений, взаимосвязей и подчинений, международного права и международных организаций.

Образно говоря, когда наша страна (с приходом Горбачева) дала старт своему «демократическому» и «рыночному» транзиту, мы думали, что этот транзит автоматически совпадает с эволюцией Запада и всего мира. А оказалось, что аэродинамическая труба нашего транзита имеет все еще прозападный поток воздуха, а вот западная – гонит воздух уже в несколько ином (если не противоположном) направлении, а общемировая – вообще в третьем.

То есть мы, завертевшись, как флюгер, на этих трех ветрах-транзитах, потеряли цель. Вернее, нам показалось, что мы ее потеряли, ибо цель, конечно, есть. И как раз Путин ее очень четко определил – идти нужно по ориентиру национальных стратегических интересов самой России. Куда бы ни дули остальные ветры, куда бы ни вели других другие транзиты. В начале 2007 года в мюнхенской речи он сказал это вполне открыто (хотя продумал гораздо раньше) – и как раз Западу, так как именно эта аэродинамическая труба стала уж слишком сильно задувать и российские интересы, и даже вообще мировую стабильность.

В этом «открытии Путина» (сделанном многими и до него, но в политике принципиально важно, чтобы публично о таком фундаментальном событии объявил именно глава государства, лидер страны, тем более если он еще и ее неформальный лидер) и состоит ценность «курса Путина» и соответственно необходимость преемственности этого курса – пусть и через сохранение ключевых политических и экономических высот за его командой, раз иным способом обеспечить эту преемственность было невозможно.

Внешне не слишком демократично, так ведь я и говорил, что нам необходима не Россия для демократических экспериментов, а демократия для России, если эта демократия способствует сохранению, развитию и процветанию страны. А там, где не способствует, отложим демократию немного в сторону – есть же и другие механизмы управления сложными системами. И как раз особенно – управления в переходные (то есть кризисные) периоды.

«УПРАВЛЯЕМАЯ ДЕМОКРАТИЯ» НА МАРШЕ

Именно этот процесс, то есть переход от «просто демократии», «абстрактной демократии», «демократии во имя самой демократии, а не во имя России», к управляемой во благо России (в том числе и во благо ее демократического развития) демократии, мы и наблюдали все последние годы.

Проявлялось это в очевидных, далеко не всегда бесспорных и точно далеко не всегда эффективных действиях Кремля. Например, менялось избирательное законодательство, то есть власть субъективно корректировала политику проведения парламентских выборов, а соответственно и сам институт парламентаризма. Два самых ярких тому примера: введение (впервые – на выборах 2007 года) 7-процентного барьера для прохождения партий в Думу вместо 5-процентного и переход к формированию Думы исключительно по партийным спискам (тоже с выборов 2007 года), тогда как половина депутатов четырех первых Дум избиралась по одномандатным округам, то есть в личном качестве (хотя часто и при поддержке той или иной партии).

Другая субъективная составляющая трансформации института парламентаризма в России – это процесс партийного строительства, инициатором и главным конструктором которого являются президентские структуры.

К сожалению, сама власть пытается максимально затушевать эту всем известную и совершенно очевидную активность, вызывая тем самым множество пересудов и подозрений – как основательных, так и не очень. Между тем я, например, считал и считаю, что коль скоро эта деятельность, причем не всегда бесполезная, ведется, то ее необходимо максимально легализовать, создав публично действующее министерство политической реформы.

Еще одно направление субъективной корректировки, иногда весьма существенной, становления институтов демократии, и в частности парламентаризма, в России в последние восемь лет проявлялось в сокращении по инициативе центральной власти числа зарегистрированных в стране партий вообще, а также в ликвидации тех из них, которые, по мнению власти, являются реально или потенциально «экстремистскими».

Наконец, нельзя не упомянуть использование властью (президентскими структурами и в еще большей степени, с конъюнктурно-эгоистическими перегибами, региональными администрациями) в интересах достижения того или иного результата на выборах так называемых административного и информационного ресурсов. Использование, приводящее, помимо прочего, и к выводу тех или иных политических фигур и партийных групп на край, а иногда и за край избирательного процесса.

Весьма критически оценивая многие из этих шагов, а более всего – растягивание почти до бесконечности срока пребывания глав регионов на их постах, я, по крайней мере как человек, с легкой или тяжелой руки которого в наш политический лексикон и вошел термин «управляемая демократия», не являюсь абсолютным антагонистом вмешательства центральной власти в политические процессы, идущие в стране, в том числе и в процесс выборов. Более того, в иных случаях, весьма частых в последние полтора десятилетия политического развития России, такое вмешательство, по моему мнению, было и неизбежным, и даже необходимым, и, к сожалению, не всегда достаточным. Например, лично я не нахожу ничего предосудительного в сознательной борьбе власти (с использованием всех доступных ей средств) против проникновения в федеральный парламент и региональные законодательные собрания криминальных сил, особенно организованных, или прямо антигосударственных элементов. А и то и другое было отнюдь не редким явлением, особенно в 90-е годы, да и сегодня если и минимизировано, то лишь по сравнению с «криминальными 90-ми», а не с нормой.

Вопрос, конечно, в том, не переносятся ли формально недемократические методы борьбы с деструктивными политическими и прямо уголовными элементами на поле соревнования с идейной и легитимной политической оппозицией. Нельзя не признать, что переносятся. И порой без особых на то оснований – если даже руководствоваться логикой так называемой политической целесообразности, понимание которой, впрочем, тоже весьма субъективно и может быть оспорено даже лояльными оппонентами власти.

Последнее, что необходимо сказать в этом разделе статьи, относится к чистой психологии или по крайней мере к политической психологии. Сама профессия парламентария – относительно новая для

нашей страны. Причем во всех смыслах. Я бы сказал, что до сих пор мы не имеем еще сложившихся эталонных образцов депутата парламента, парламентской фракции, парламентской партии, наиболее эффективно и гармонично сочетающих в своей деятельности интересы своих избирателей, общества в целом, оппонентов и государственных институтов. Даже умозрительные описания таких образцов у разных авторов отличаются (кроме совпадения в банальностях, в основном позаимствованных из западных учебников или практик). Тем более мы не можем пока найти эти эталоны в нашей парламентской реальности как общепризнанную норму или устойчивую традицию.

В совокупности все сказанное выше свидетельствует о том, что непременно нужно иметь в виду: наша парламентская система сама по себе и как часть отечественной политической системы по-прежнему находится в процессе формирования, развития и становления.

То есть, проще говоря, политические реформы в России все еще не завершились, и мы сейчас находимся в середине и внутри этого процесса. Следовательно, констант, постоянных величин и характеристик у нашей парламентской системы все еще меньше, чем переменных – как старых, отмирающих, как новых, перспективных, так и конъюнктурных, временных, собственно переходных.

Именно по этой причине я и предлагаю (и здесь уже не в первый раз) создать министерство политической реформы как открытый механизм сознательной политической трансформации страны, причем не только в сфере собственно парламентаризма.

КУДА МЫ ДВИЖЕМСЯ?

И вот теперь я постепенно перехожу к изложению своего ответа на вопрос о том, куда мы конкретно в политическом направлении движемся. То есть собственно на вопрос об архитектонике российской (или русской) политии XXI века.

Конечно, прежде всего нужно признать, что точного ответа на этот вопрос никто не знает. Ни я, ни иные обретающиеся на уровне оперативных и стратегических прогнозов специалисты и любители, ни, думаю, Владимир Путин, ни третий президент России – вне зависимости от его фамилии.

Это не значит, что политические архитекторы современной России, сосредоточенные в основном в недрах президентского аппарата (который негласно и является квазимилиционерством политических реформ), не имеют здесь никаких целей. Но, стремясь этих целей достичь, думаю, мало кто из таких архитекторов уверен, что то, что они строят сегодня, будет актуально, целесообразно и эффективно лет через двадцать – двадцать пять. Но и бездействовать они не могут, а потому работают – более или менее содержательно, действуя в основном методом проб и ошибок, часто жертвуя стратегически перспективными целями ради решения конъюнктурных политических задач. Но ведь совершенно понятно, что политики, которые ради реализации идеальных сценариев будущего забывают о текущем моменте, всегда проблемном и противоречивом, чаще всего просто теряют власть, после чего все их идеалы превращаются в химеры.

Но как все-таки в целом выстраивается в планах нынешних политических архитекторов искомая конструкция политического устройства России? Мне представляется, примерно так.

То, что Россия должна оставаться президентской республикой, не оспаривает практически никто, и никаких новаций здесь ждать не приходится. А вот вопросы о взаимоотношениях в треугольнике «президент–парламент–правительство» и о самой парламентской архитектуре остаются пока открытыми.

(Говоря об отечественном парламентаризме, в данной статье я игнорирую проблему соотношения полномочий и политических ролей обеих палат российского парламента – Государственной Думы и Совета Федерации. Но это отдельная тема, имеющая отношение более к российскому федерализму, чем к парламентаризму и политическому устройству в целом.)

Вроде бы ясно, что планируется постепенный переход к системе, когда победившая на думских выборах партия самостоятельно или в коалиции с младшими партнерами получит право (в нынешней Конституции, между прочим, не закрепленное) формировать правительство. При этом предполагается, хотя с меньшей уверенностью, что и действующий президент должен представлять какую-либо из основных партий страны. Правда, в этом случае неясно, как будут взаимодействовать президент, парламент и

сформированное от имени его большинства правительство, если на парламентских выборах победит одна партия, а на президентских – представитель другой. В нынешнюю политическую конструкцию России, определяемую действующей Конституцией, а еще больше – в политические реальности страны этот случай совершенно не укладывается. А какие последствия он, скорее всего, будет иметь, легко увидеть на примере сегодняшней Украины – перманентно длящийся политический кризис, ни один выход из которого не является легитимным.

Из желания преодолеть эту опасность и проросла у нас политика, направленная на формирование не многопартийной Думы, а полупартийной, по примеру Японии, то есть зафиксировалось почти монопольное право главной политической партии страны (партии власти) лидировать в политическом процессе по крайней мере в ближайшие тридцать–сорок лет.

Однако этот императив наталкивается на реалии партийной жизни в России, куда более разнообразной, чем это кажется предубежденным наблюдателям.

Считается, что три основные светские идеологии, доминирующие в современной христианской цивилизации, а именно социализм, либерализм и консерватизм, являются базой для естественного партийного строительства, причем в каждой отдельно взятой стране доминирующими остаются лишь два из этих трех идейных течений. Отсюда и столь распространенная во многих странах Запада фактически двухпартийная (при формальной многопартийности) система. Соответственно, предполагают наши политические архитекторы и конструкторы, необходимо создать две сильные партии, но одну существенно слабее другой.

Однако, судя по всему, эта схема в реальностях России не работает. Просто потому, что этим реальностям не соответствует.

Социализм в России представлен прежде всего не социалистами или социал-демократами, как на Западе, а коммунистами – КПРФ. Ибо в сознании наших избирателей социалистическое – это не книжная абстракция или западный (чаще всего либералы здесь приводят в пример Швецию) образец, а политическая и общественная реальность недавнего советского прошлого, когда у власти были коммунисты.

Поэтому понятия «социалистическое» и «коммунистическое» в сознании массового избирателя синонимичны или даже аутентичны.

В любом случае все попытки оттеснить КПРФ, кстати, по-прежнему слабо модернизированную, на обочину политического процесса и избирательных кампаний не увенчались успехом. И, думаю, не увенчаются. Но как раз коммунистов видеть «оппозицией Ее Величества» (партии власти) нынешние архитекторы политических реформ не хотят. А посему практически под каждые новые парламентские выборы разрабатывают новый социалистический (а точнее – квазисоциалистический) партийный проект.

Нынешняя партия власти («Единая Россия») претендует на то, что она является консервативной партией, или, точнее, либерально-консервативной, однако что такое современный российский консерватизм, ясно сформулировать не может ни один отечественный политический мыслитель.

Еще хуже обстоит дело с чистым либерализмом, небольшое гнездо которого власть в парламенте иметь хотела бы (ради политического равновесия, минимизации либерального радикализма и как экспертную группу для корректировки проводимых экономических реформ). Однако понятия и даже слова «либерал», равно как и «демократ», стали абсолютно ругательными среди масс российских избирателей, а сами отечественные либералы зарекомендовали себя исключительно как проводники разрушительных прозападных или антигосударственных (в нейтральном понимании этого определения) идей и проектов. А посему вряд ли либерализму как, выражаясь словами Ленина, «течению политической мысли и политической партии» в ближайшее десятилетие найдется место в системе российской политической архитектуры.

Полностью игнорируется планами партийного строительства цель создания националистической русской (или даже российской) партии, хотя общественный запрос на это явно есть. И русский национализм (не в форме шовинизма, а в состоянии естественного для него родства с российской полиэтничностью и многоконфессиональностью), особенно после неудачи с партийным проектом «Родина», пытаются уложить либо в консервативный, либо в социалистический проект. Но он ни туда, ни туда полностью не влезает. Между тем национальные проблемы по-прежнему остаются одними из самых острых в общественной и даже политической (в менее открытом виде) жизни

России, что, кстати, поддерживает существование ЛДПР – единственной парламентской партии, публично работающей с данной темой (по крайней мере на уровне риторики).

Словом, лично я в настоящий момент совершенно не представляю, как можно даже ради самых благих целей, во-первых, свести число реально значимых партий в России до двух или трех, во-вторых, как соединить их в полупартийной схеме. А ведь введение 7-процентного барьера прохождения в Думу и решение Владимира Путина возглавить избирательный список «Единой России» явно рассчитаны именно на этот сценарий. Кстати, последнее решение практически конституирует именно КПРФ как вторую основную политическую (парламентскую) партию страны, от чего политические архитекторы из президентской администрации так последовательно и целеустремленно пытались все эти годы уйти. Данный факт – еще одно, причем крайне значимое, свидетельство того, что всякое политическое конструирование имеет пределы своих возможностей.

И лежат эти пределы в некотором объективно существующем (и довольно консервативном, но уже не в политическом смысле) гомеостазисе общественно-политических воззрений общества, а также в исторической памяти или традиции. О последних я уже говорил, описывая выше советский парламентаризм. В рамки этой исторической памяти и этой исторической традиции КПРФ (коммунистическая партия) вписывается, а вот практически все новосозданные партийные формирования (с порой очень правильными, содержательными и современными, правда, эклектично соединенными идеями и лозунгами) – нет. И в этом смысле тем более нельзя списывать со счетов ни опыт советского парламентаризма (особенно на низовом, муниципальном, уровне, в сфере так называемого и наименее развитого у нас местного самоуправления), ни вообще политическую историю советского периода. И не то даже что нельзя – не получится в обозримом политическом будущем.

Таким образом, планы планами, политическое конструирование политическим конструированием, но я предполагаю, что лет через 8–10 мы, возможно, будем иметь совсем или существенно отличный от того, что видим сегодня, и от того, что планируется иметь в будущем, партийный расклад. Прежде всего в жизни.

А следовательно, и в парламенте.

ЧТО ЕСТЬ СЕГОДНЯ ПАРТИЯ?

Вот еще один небанально банальный вопрос, имеющий, естественно, прямое отношение к тому, каким мы видим и каким реально станет в будущем институт российской демократии.

На мой взгляд, современная партия должна обладать следующими совершенно необходимыми компонентами, причем не номинально, а реально, вне зависимости от политической конъюнктуры, поддержки государства или даже присутствия (ситуативного) в парламенте:

- идеологией;
- популярным и авторитетным даже для конкурентов лидером;
- социальной опорой (когортой верных и бескомпромиссных избирателей);
- системой подконтрольных или дружественных СМИ, включая общенациональный телеканал;
- представительством в интеллектуальной, правящей и владетельной элитах;
- собственным интеллектуальным ядром;
- системой общественных организаций-сателлитов (профсоюзов, молодежных организаций, спортивных клубов и пр.);
- автономными источниками финансирования;
- политической историей (или долговременной традицией присутствия на политической арене).

В идеале необходимо наличие всех этих компонентов, однако пропуск одной-двух позиций может быть компенсирован мощью и стабильностью других. Например, при ясной и хорошо разработанной (с точки зрения избирателей) идеологии фигура лидера не очень значима. Или: длительная политическая история и/или прочная социальная опора позволяют оставаться на парламентской площадке даже при отсутствии развитой системы подконтрольных СМИ, включая и телевидение. Яркий пример этого – КПРФ.

Если мы взглянем на главные сегодняшние российские политические партии, включая и парламентские, то увидим, что практически ни одна из них не обладает всеми этими характеристиками, а наибольший их набор имеется по-прежнему как раз у коммунистов.

В ближайшее время станет очевидным, сумеет ли «Единая Россия» после фактического, но пока еще не «юридического» присоеди-

нения к ней такого популярнейшего среди населения страны лидера, как Владимир Путин, выйти из статуса квазипартии и превзойти «партийный вес» КПРФ (я имею в виду, разумеется, не число набранных голосов избирателей).

Вернусь к многочисленным очевидным и хорошо известным слабостям абсолютного большинства наших партий, которые (как раз из-за наличия этих слабостей) я считаю более правильным называть пока именно квазипартиями или партийными формированиями, используя определение «партия» лишь в силу его распространенности и краткости.

Идеологические платформы наших партий либо неясны, либо эклектичны, либо вообще повторяют (с небольшими вариациями) друг друга. Лидеры преходящи, а у вождистских партий («Яблоко», ЛДПР) абсолютно отсутствуют те, кто придет нынешним лидерам на смену, а потому жизнь этих партий, скорее всего, ограничится пределами физического здоровья их «вождей». Политической истории нет практически ни у кого (кроме КПРФ, естественно). Социальная база прочна и сплоченна тоже только у коммунистов. Автономных финансовых и информационных источников лишены, по сути, все.

Поэтому, понятное дело, именно центральная власть, то есть Кремль, президентская администрация, является держателем судеб всех партий, но это не может продолжаться бесконечно, а до тех пор, пока будет продолжаться, о политической самостоятельности (а следовательно, и политической самооценности) этих партий говорить бессмысленно.

Как выйти из этого порочного круга – тема для отдельного и серьезного разговора, а я лишь фиксирую данную проблему как фактически самую главную для определения судьбы каждой из ныне существующих партий, а потому – и для судеб российской многопартийности в целом.

В заключение данного раздела брошу (без пояснений) лишь одну плодотворную, если над ней всерьез задуматься, идею. На сегодняшний день я вижу объективную основу для существования лишь двух типов политических партий в России, а именно: государственный (державнический) и антигосударственный (антидержавный) типы. И присмотревшись повнимательнее, мы увидим, что именно по этой шкале все наши партии фактически и различаются и что элек-

торальные удачи и неудачи разных партий объясняются именно их местом на этой шкале. Этатизм – вот ведь в реальности единственная работающая идеология в сегодняшней России. И следование именно этой идеологии обеспечило успех президентства Путина и – как результат – превращение лично ВВП в национального лидера. И иной эффективной и укорененной в реальность идеологии в ближайшее время у нас не появится. Неоткуда, да и незачем. По многим причинам, но в частности, и потому, что государство в лице центральной власти по-прежнему остается самым активным, инициативным и дисциплинированным субъектом политической жизни России.

ВНЕШНИЙ ФОН (ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС МНОГОПАРТИЙНОСТИ)

Россия приступила к выстраиванию парламентаризма и созданию многопартийной системы в, возможно, самый неудачный для этого исторический момент.

Дело в том, что вся западная политическая система, по образцу которой мы неизбежно в политической сфере работаем, из недр которой, собственно, и позаимствовали такие понятия и институты, как «парламентаризм», «демократия», «многопартийность», находится в глубочайшем кризисе, причем кризисе одновременно содержательном и институциональном.

То есть мы взялись за создание того, что, судя по некоторым тенденциям, либо сходит с исторической арены, либо само нуждается в радикальном, возможно – даже революционном, реформировании, либо трансформируется в нечто противоположное самому себе.

Я не буду здесь называть многочисленнейшие примеры этого кризиса, в наличии которого абсолютно уверен, но некоторых его последствий, явно проявляющих себя как уже закрепившиеся тенденции, коснусь.

Манипулятивная (прежде всего через институты массовой культуры и СМИ, а также благодаря монолитности формально двухпартийной элиты) составляющая западной демократии все нарастает и нарастает.

Многопартийность практически повсюду выродилась в двухпартийность, а последняя – в разноокрашенную однопартийность.

Западные общества тотальны (культурно, политически, психологически), а отсюда один шаг до тоталитарности (кстати, во многих отношениях Россия сегодня на порядок свободнее практически всех западных стран, правда, эта свобода, скорее, смахивает на анархию или вольницу). Стандартизация всего и вся, особенно в некоторых областях, достигла таких пределов, которые и не снились советскому Госплану экономически и коммунистическому Политбюро – политически.

Демократия как выбор большинства при учете интересов значимых меньшинств практически уже переродилась в демократию для меньшинств, причем всех, и в первую очередь маргинальных, а не общественно значимых. Более того, в некоторых западных странах мы уже видим то, что можно назвать деспотией меньшинств.

Демократия для себя и для других, которой когда-то была западная демократия, все больше превращается в демократию только для себя и диктатуру для других. Если большинство стран Запада пока еще камуфлируют этот «переворот», то США проводят его вполне сознательно.

Западные демократии, атрибутом и привлекательнейшим внешним символом которых была открытость, все больше и больше закрываются от остального мира.

Авторитарные тенденции нарастают стремительно и пока лишь сосуществуют с демократическими институтами, но последние под натиском неоавторитаризма все больше отступают и буквально трещат по швам.

Можно продолжать, но и сказанного достаточно, чтобы, если согласиться с моими утверждениями, подумать: а не следует ли нам взять совсем с иной полки и совсем иные чертежи для строительства нашей политической системы? Вопрос в том – где эта полка...

НЕЯСНОСТЬ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Я не утверждаю, что демократия вовсе изжила себя, а потому нам стоит от нее отказаться раньше, чем мы ее в полновесном и полноценном виде создадим. Просто я уверен, что демократические (сейчас их часто называют сетевыми) и авторитарные (более коррект-

но – иерархические) механизмы жизни общества и соответствующие им методы управления этим обществом всегда соседствуют, взаимодействуют друг с другом и друг друга дополняют. Следовательно, перед нами стоит не выбор: либо мы построим такую демократию, которую где-то кто-то и когда-то демонстрировал на Западе, либо впадем в примитивный авторитаризм и мрачную несвободу. Выбор существенно другой, а в определенном смысле – прямо противоположный: либо мы найдем оптимальное для сегодняшней России и ее успешного выживания в ближайшем историческом будущем соотношение демократических и иерархических общественных и политических механизмов и уже на основе их создадим приемлемые партийные, многопартийные, парламентские и иные институты, либо бросим все силы на то, чтобы построить идеальный демократический рай (по глупости, по наивности, по невежеству или для того, чтобы кому-то наконец понравиться), который построить в принципе невозможно.

Что это означает применительно к основной теме данной статьи?

Конечно, надо продолжать политическое реформирование, не зарекаясь, однако, ни от чего, кроме абсолютно неприемлемого с моральной точки зрения.

Целесообразно, в том числе и политически, то, что помогает России как нации, стране и государству (все три определения важны и неразделимы) эффективно выживать, развиваться, а желательно и лидировать в как можно большем числе сфер.

Пока не родился политический гений, который одним трактатом проложил бы нам правильный путь нового, отвечающего целям сегодняшнего и будущего, а не прошедших эпох политического устройства, надо отталкиваться от того, что представляется очевидными национальными интересами, что очевидно находит отклик в как можно более широких слоях общества и что поддержано как можно более многочисленными экспертными оценками.

А в целом – общество и надстроенное им самим над собой государство определенной политической конфигурации есть система самоорганизующаяся. Если в этом обществе сохранилась витальная сила, то рано или поздно оно найдет нужный ему и не обременительный для него политический каркас. Следовательно, пробуждать и поддерживать, а не заглушать эту витальную силу должны все поли-

тические организмы, у нас существующие (не только политические, конечно, но и они тоже). Партии в том числе.

Лично я пока не вижу ни в одной из существующих партий способности эту фундаментальную функцию реализовать с каким-то существенным приближением к оптимуму. И потому меня волнует не то, сколько и каких партий будет в шестой или двадцать шестой Думах. Будут Думы – какие-то партии найдутся. Меня волнует в целом новая конструкция государства Российского. Вот об этом нужно вести дискуссии, в том числе и в ныне существующих партиях.

Что я знаю точно, так это то, что будущая политическая система России будет российской (русской). Это ее главное определение. Не этническое, не географическое, а политическое. И всем нам, включая и сегодняшние партии, еще предстоит доказать, впишемся ли мы в эту (по определению оптимальную) политическую систему.

ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО

Если все же попытаться прозреть хотя бы самые общие контуры той политической системы, которая сложится в России в обозримой перспективе и просуществует с теми или иными изменениями на протяжении сколь-либо значительного промежутка времени, хотя бы до конца наступившего века, то здесь следует пойти проверенным и наиболее естественным в данном случае путем – вывести эти самые контуры из тех вызовов, которые в настоящее время брошены нашей стране и нашему обществу. Иными словами, пойду, что называется, от противного, то есть попробую ответить на вопрос, каким наше будущее не может не быть, чтобы мы в принципе могли рассчитывать на свое в нем присутствие – политически, социально и, в конце концов, просто физически и даже биологически.

Но сначала о вызовах. Их, на мой взгляд, из числа самых фундаментальных как минимум пять.

Первый вызов – безусловно, демографический. Либо народ выживает, либо он не выживает. Если он не выживает или если его численность постоянно уменьшается, то рассуждать о том, какие политические конструкции будут на том месте, где раньше обитал

этот народ, совершенно бессмысленно. Конструкции эти могут быть замечательные, но они будут иметь отношение уже к другому народу. Следовательно, решение демографической проблемы – это приоритет номер один, буквально категорический императив.

Второй вызов – это наша конкуренция с другими мировыми игроками или сложившимися вокруг них союзами. Ясно, что в ближайшие десятилетия здесь должны произойти значительные перемены. Скорее всего, естественным образом прекратится гегемонизм США, что как минимум приведет к хаотизации международных отношений на каком-то этапе современной истории. Возможно, появится новый гегемон в лице Китая или «объединенного исламского субъекта». России же при всех подобных пертурбациях нужно будет сохранить свою конкурентоспособность. Это невозможно без решения демографической проблемы, но одним только ростом рождаемости справиться со вторым вызовом не удастся. Необходимо существенно усилить нашу национальную идентичность как многонационального, многоконфессионального, мультикультурного, но единого и цельного народа. И если учесть, что геополитические трансформации начнутся уже в самой недалекой перспективе, где-то вокруг 2017 года – года векового юбилея сакрального для России события, то нам к этому времени совершенно необходимо наконец-таки сформировать непротиворечивый взгляд на собственную историю. Ибо просто невозможно выстоять в грядущем геополитическом переделе мира, когда элементарно не знаешь, как оценить свое прошлое, когда не ощущаешь буквально личной ответственности за все без исключения его периоды, когда ненавидишь или проклинаешь какие-то из них, а другие безудержно боготворишь и превозносишь, руководствуясь сугубо эмоциональными пристрастиями или идеологическими антипатиями, когда, наконец, оцениваешь минувшее исключительно с оглядкой на чужие оценки и стереотипы.

Третий вызов связан с собственно поиском оптимальной государственно-политической или – шире и точнее – цивилизационной конструкции для России, поиском, который будет разворачиваться на фоне тех драматических процессов, которые уже сейчас протекают в мире и которые в ближайшем будущем лишь усилятся. И здесь я хочу обратить внимание прежде всего на тот непреложный факт, что

все крупные геополитические субъекты сами по себе не существуют. Они создают вокруг себя союзы и коалиции, которые являются либо поддержкой и опорой этих субъектов, либо их ресурсом, либо искренними союзниками в конфликтных ситуациях. Иными словами, я имею в виду проблему взаимоотношений России с государствами постсоветского (и даже несколько – по отдельным направлениям – более широкого) пространства.

Политика президента Путина в данном вопросе до сих пор была крайне прагматичной и сводилась к следующей формуле: минимальное политическое вмешательство во внутренние дела других стран плюс максимально возможное проникновение в их экономики (а западные страны одинаково масштабно и агрессивно используют и то и другое). В конце концов, видимо, предполагает Путин (впрочем, он об этом и говорит), волю народа не переборешь, если сам народ не поймет, что его историческая судьба неотделима от исторической судьбы России. Но я считаю, что время такой экономной, слишком прагматичной политики Москвы на постсоветском пространстве постепенно проходит и на повестке дня уже совершенно очевидно стоит вопрос о создании эффективного союзного объединения вокруг России то ли в виде модернизированного Советского Союза, то ли по типу нынешнего Евросоюза. Впрочем, последняя модель уже подвергается серьезнейшим цивилизационным и просто политическим испытаниям, и я совсем не уверен в том, что она эти испытания выдержит. Особенно если ЕС будет продолжать свою политику бессмысленной территориальной экспансии и еще более бессодержательной, чтобы не сказать безумной, мотивированной только западноевропейской фанаберией и исторически лицемерными фобиями, политической конфронтации с Россией.

Четвертый вызов – создание современной экономики. Я не экономист и не могу давать здесь жесткие рецепты и четкие прогнозы. Но все-таки выскажу собственный – вероятно, неожиданный и способный кому-то показаться непопулярным – взгляд на охвативший не только Россию, но и весь мир инновационный бум. По моему разумению, из самого факта разнообразия мира и многочисленных проявлений такого разнообразия с неизбежностью следует то, что в марксистской классике называлось международным

разделением труда. Подобное разделение всегда существовало и, естественно, будет существовать. Поэтому я спокойно отношусь к тому, что многие называют «технологической отсталостью» России. Во-первых, это не совсем правильно, так как передовыми космическими, ядерными и некоторыми иными технологиями, полностью отсутствующими в подавляющем большинстве других стран, Россия обладает. Во-вторых, мы имеем колоссальные природные ресурсы, опять-таки отсутствующие – в таких объемах и в такой компоновке – даже у иных сверхдержав, не говоря уже об остальных странах мира. Поэтому, хотя нам, безусловно, необходимы современные технологии для эффективного освоения всего этого богатства, просто вычесть из российской экономики ее природную ресурсную базу, попытавшись заменить ее на некие «инновационные химеры», – просто безумие. Я не готов квалифицированно судить о каких-то конкретных пропорциях соотношения природной ренты и инноватики, но мне видится, что они должны быть примерно одинаковыми.

Пятый вызов связан с конфликтом цивилизаций. Этот конфликт всегда объективно существовал и продолжает существовать. Ведь одно из условий жизни самого нашего мира – это его разнообразие. А раз есть разнообразие в ограниченном пространстве планеты Земля, то, значит, есть и конкуренция между ведущими субъектами мировой политики. Сегодня такая конкуренция усугубляется еще и тем обстоятельством, что современная техника сделала мир виртуально безграничным, при том что реально он остается конечным и физически даже очень небольшим – во вселенском масштабе. Во многом именно поэтому сегодняшняя и тем более завтрашняя конкуренция разворачивается не на полях сражений (хотя и на них тоже), а преимущественно в этом виртуальном пространстве, в результате чего геополитические игроки действуют друг против друга главным образом, брутально выражаясь, «пятыми колоннами» в медийно-информационном пространстве своих оппонентов. (Этот факт, по-моему, не нуждается в доказательствах, и я не хочу вступать здесь в полемику с теми, кому данное утверждение кажется чересчур конспирологичным.) Поэтому России, чтобы сохраниться в качестве неотъемлемой части многообразного мира, необходимо научиться в совершенстве владеть подобными технологиями конкуренции.

К сожалению, на мой взгляд, нельзя исключить, что нынешний и все нарастающий цивилизационный антагонизм (острая стадия конфликта цивилизаций) не выльется в то, чем на протяжении последних веков так или иначе разрешались аналогичные по масштабу кризисы, то есть мировым военным столкновением. И эта печальная составляющая тоже входит в общее содержание пятого вызова.

Итак, вот пять самых фундаментальных вызовов, ответы на которые должна найти Россия. Я, правда, не упомянул здесь еще апокалиптический вызов, то есть вероятность прекращения жизни на Земле в результате глобальных стихийных бедствий, планетарных климатических или экологических катастроф, а также каких-то иных причин, затруднительных для обозначения и описания в настоящий момент. Но этот вызов, если он существует, вообще выходит за пределы логики человеческой цивилизации, пока она существует и развивается.

ОЧЕРТЕНИЯ НОВОГО РЕЖИМА

Насколько сегодняшние политические конструкции способны отвечать на перечисленные вызовы?

В какой-то степени, безусловно, способны – определенный запас прочности в них заложен, собственно, ради этого властный ресурс и консолидировался Путиным и его командой на протяжении восьми минувших лет. Однако, конечно, многое здесь будет меняться. Другое дело, насколько адекватными вызовам станут эти изменения политической системы. А вот об этом сегодня ничего определенного не скажешь.

Пока что с достаточно высокой степенью вероятности можно заключить, что в результате выборного цикла 2007/2008 окончательно сформируется более или менее сплоченная (хотя при этом и раздираемая внутренними противоречиями) управляющая команда, которая будет доминировать в исполнительной и законодательной властях, а также на ключевых экономических высотах еще как минимум две президентские легислатуры – то есть период всего возможного срока президентства Медведева. Данная команда в силу собственного политического монополизма способна выстро-

ить в принципе любую политическую конструкцию – на основе как действующей Конституции 1993 года, так и нового Основного закона, если таковой будет принят в обозримом будущем, что лично я считаю просто неизбежным.

Говоря о ближайшей перспективе, я все больше и больше понимаю выбор Путиным именно Медведева в качестве преемника. Может быть, среди других вероятных кандидатов в преемники были и более сильные в чем-то лица. Но у Медведева есть одно объективное качество, отсутствующее у всех остальных политиков, которых рассматривали в ряду потенциальных преемников Путина, – это его возраст. Медведев – самый молодой из них. А это значит, что реально можно рассчитывать на две его легислатуры – если, конечно, команда не распадется, если ее внутренние противоречия не окажутся сильнее здравого смысла входящих в эту команду фигур, если, наконец, она просто сможет продолжить путинский курс, в основных своих характеристиках правильный и безальтернативный для нашей страны в настоящее время и в ближайшие годы. То есть при благоприятном раскладе через восемь лет можно будет надеяться либо на возвращение Путина в Кремль, либо на приход преемника уже Медведева, который, в свою очередь, также будет иметь в запасе как минимум восемь лет для продолжения и совершенствования «курса Путина–Медведева». А четыре четырехлетних периода – это уже серьезный срок, в пределах которого можно, если стратегия выбрана правильно, работать с достаточно высокой степенью уверенности в успехе.

Иными словами, налицо все самое необходимое для успеха – и механизм, и структура, и человеческий материал. Есть ли при всем при том четкий план действий? Об этом сказать трудно. Одни компетентные источники утверждают, что есть. Другие отрицают это. Внешне фиксируемые действия команды Путина дают основания как для положительного, так и для отрицательного ответов на этот вопрос. Вместе с тем совершенно очевидно, что отсутствие плана и работа в режиме реагирования на перманентно возникающие проблемы ни к чему хорошему привести не могут, но лишь усугубят внутрикомандные противоречия и, следовательно, рано или поздно поставят под сомнение вероятность обозначенного мной «благополучного шестнадцатилетия».

Если плана все-таки нет, то его в какой-то степени способна заменить – по крайней мере на какой-то период – грамотно сформулированная повестка дня. Такая повестка может сводиться к закреплению на занятых высотах, к выработке новой персональной комбинации в ситуации «после Путина» (сюда же относится и проблема преодоления двоевластия – статусного, институционального, наконец, лично-психологического). В принципе я считаю вполне допустимой и своего рода самовоспроизводящуюся повестку дня – именно так действовал Путин, особенно в своей первый срок, когда доукомплектовывал собственную повестку дня по мере решения менее сложных и самых неотложных задач более сложными и стратегически нацеленными в будущее.

Во всяком случае, никакой длительной паузы в действиях команды Путина–Медведева после формальной передачи власти быть не должно. Хотя впечатление паузы и может возникнуть – особенно на фоне активности Путина в течение его второго срока и особенно для людей, настроенных революционно (в идеологическом, а не политическом смысле), к коим я отношу и себя.

К тому же нельзя исключить, что создание такого впечатления может являться и составной частью плана (если он все же имеется) действий третьего президента России на протяжении первых месяцев его пребывания в Кремле – как пропагандистского прикрытия процесса «затвердевания» нового персонального и группового расклада сил.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА

На мой взгляд, бессмысленно говорить о возможных будущих политических конструкциях России, не затрагивая при этом проблему конституционного устройства страны.

Строго говоря, эта проблема не является стратегической, но в наших конкретных условиях она фактически вырастает до уровня стратегии, ибо в своем нерешенном (на мой взгляд) виде связывает поле стратегического планирования и стратегического маневра России в целом и всех политически и интеллектуально активных слоев нашего общества по отдельности.

Мне кажется, что я неплохо ориентируюсь в системе политических представлений Владимира Путина, но мне совершенно непонятна его приверженность идее сохранения действующей Конституции 1993 года любой ценой. В конце концов статус гаранта Конституции вовсе не исключает поиска более совершенной конструкции организации власти и государственности в рамках принципов, а не словесных формул Основного закона страны.

И здесь важно оглянуться вокруг себя, в том числе и на опыт Запада, но конкретный, а не мифически «универсальный». Например, как утверждают некоторые эксперты, нынешний президент Франции Николя Саркози целенаправленно идет к созданию Шестой республики и соответственно к принятию новой или сильно обновленной Конституции своей страны. (Кстати, и принятие в том или ином виде конституции Евросоюза будет, по сути, политическим переформатированием всех входящих в ЕС стран.) Я убежден, что и в России созрела потребность в новой республике, а значит, и в ее новом конституционном оформлении.

Замечу, что во многих отношениях наша история после 1916 года очень напоминает французскую. Первая республика – от февраля 1917 года, то есть после падения монархии. Вторая республика – советский режим до 1922 года. Третья республика – со «сталинской» Конституцией 1936 года – до 1956 года. Четвертая – с приходом к власти Хрущева (и соответственно законодательно оформленная в брежневской Конституции 1977 года). Пятая республика – горбачевская перестройка и первые годы Ельцина, до введения им – через разгон Верховного Совета России и ликвидацию системы Советов вообще – Конституции 1993 года.

«Путинская Россия» – для меня это безусловно и очевидно – есть наша Шестая республика, по конъюнктурным соображениям до сих пор лишенная своего Основного закона. И если «курс Медведева» будет продолжением «курса Путина», то конституционное оформление этого курса просто неизбежно – исторически, логически, содержательно, прагматически.

Причем я могу даже перечислить некоторые основные узлы новой Конституции, более адекватной сегодняшним и, главное, завтрашним реалиям России. Это фиксация плебисцитарного характера нашей демократии, но с более жесткими гарантиями разделения

властей и независимости судов. Всенародные выборы верховного правителя и возможность его смещения (возможность весьма затрудненная, но реальная и осуществляемая путем консолидации властных ресурсов государственных структур, уравнивающих президентскую власть). Определение, наконец, конституционного порядка формирования Совета Федерации. Конституционное уточнение проблемы местного самоуправления, фактически отсутствующее сегодня. Видимо, сохранение партийного электорального механизма (но только в том случае, если Конституция будет меняться в ближайшее время).

Считаю необходимым заложить в новую Конституцию и более простой механизм изменения самого Основного закона: французский опыт республик, легально сменяющих друг друга в зависимости от стоящих перед страной политических задач, мне представляется продуктивным и достойным заимствования, тем более что, как я показал, в этом случае мы фактически идем тем же путем.

Возникновение союза государств во главе с Россией, что, на мой взгляд, совершенно неизбежно, возможно, приведет к тому, что новая Конституция нашей страны станет одновременно Конституцией союзного государства. Во всяком случае, в новом Основном законе надо будет предусмотреть реальные, а не искусственно затрудненные механизмы воплощения в жизнь тех или иных интеграционных процессов на постсоветском пространстве с участием России и вокруг нее.

Еще один вопрос, который неизбежно встанет при выработке новой Конституции, – это вопрос соотношения национальной и международной юрисдикции. До сих пор в мире международно-правовые акты считались и считаются приоритетными по отношению к национальному законодательству. Но для меня совершенно очевидно, что такая ситуация должна исчезнуть к концу (если не к середине) XXI века. Ибо определяющими станут не национальные и не глобальная, а именно цивилизационные правовые системы. Вся система международных институтов (начиная с ООН) будет перестроена под новую модель планетарного сосуществования – модель межцивилизационного конкордата. Россия в данной конструкции неизбежно и по праву окажется одним из самостоятельных субъектов евроатлантической, или христианской,

цивилизации. Другими участниками такого конкордата станут мусульманская, буддийская и, возможно, иные, выделенные по культурно-конфессиональному признаку цивилизационные мегаобщности. Межцивилизационный конкордат будет определять лишь самые общие, рамочные принципы взаимодействия цивилизаций, в то время как правовой суверенитет участников конкордата и их главных субъектов в пределах их канонических территорий будет абсолютным и не делегируемым никаким иным общепланетарным или иноцивилизационным структурам.

Говоря в данном контексте о России, следует подчеркнуть, что на ее территории проживают представители всех или почти всех мировых цивилизаций и потому ей потребуются особые условия членства в конкордате. Кроме того, данная особенность нашей страны предопределяет и будет предопределять имперский характер как безальтернативный способ организации ее территории.

Вот главные проблемные узлы, которые должны быть развязаны (но не разрублены) новой Конституцией. А вопрос партий – дело десятое, строго говоря – вообще не конституционное.

О притворности и архаизме сегодняшней партийной системы в мире в целом и в России в частности я уже сказал выше. Поэтому, как это ни парадоксально на фоне нынешней псевдодемократической риторики (особенно тех государств и их лидеров, которые самовольно провозгласили себя гарантами демократии для собственных стран и для всего мира в целом), проблема наполнения реальным содержанием все более и более обесмысливающегося демократического процесса заявляет о себе со всей определенностью.

Возможным выходом здесь может стать то, что я бы назвал акционированием демократии по принципу «один голос – одна акция». Этот принцип способен не только привнести в стагнирующую и становящуюся все менее и менее эффективной демократическую модель новый смысл и новые живительные силы, но и снять становящееся все более вопиющим противоречие между неравными экономическими возможностями членов гражданского общества и их де-юре одинаковым политическим статусом. А также, возможно, приблизить к разгадке никем до сих пор не решенной и очень чувствительной для России проблемы «социальной справедливости» (а фактически – «социальной несправедливости»). Это тем более

важно, что, несмотря на то что возраст классической электоральной демократии в России насчитывает без малого пару десятилетий, ей свойственны все те пороки, что и многовековым демократиям Запада, причем часто даже в более гипертрофированном – вероятно, именно в силу ее молодости – виде.

Идеи «акционирования демократии» давно витают в воздухе и в некоторых своих эскизах довольно хорошо разработаны, но, конечно, ее реализация потребует настолько масштабной политической реформы, что на это сможет решиться только очень сильный и очень успешный политический лидер. Поэтому, скорее всего, если вопрос о принятии новой Конституции окажется на повестке дня в ближайшем будущем, проект «акционирования демократии» может быть реализован только в следующем Основном законе страны.

ДЕФИЦИТ МЕЧТЫ

Вот чего действительно не просматривается в вырисовывающейся сегодня политике будущего, так это мечты. Большой мечты. Данному факту можно найти очень простое объяснение. И, кстати, в конце октября 2007 года при посещении Бутовского полигона в день памяти жертв политических репрессий Путин это довольно определенно объяснил. Он указал на недопустимость повторения ситуации, когда привлекательные на первый взгляд, но утопичные на поверку идеалы ставились выше ценности человеческой жизни. И здесь, на мой взгляд, Путин высказал даже не столько свое собственное мнение, сколько достаточно широко распространенную в постсоветском обществе фобию – фобию той или иной новой утопии, которая может стать повторением (не содержательно, но статусно, по своей роли и по своему значению) пережитых нами утопий минувшего века, среди которых, кстати, и рыночная утопия 90-х.

Но может ли в принципе Россия существовать без мечты? На каком-то ограниченном этапе своей истории и для решения каких-то локальных задач подобный внеидеологический прагматизм, вероятно, и годится. А вот для формулирования собственной цивилизационной миссии для себя и для всего мира – конечно, нет.

Да и можно ли в принципе размышлять о будущем вне пространства мечты? Тем более в такой идеократической стране, какой всегда была и навсегда останется Россия?

Уверен, что нет. Следовательно, рано или поздно эта мечта, эта утопия, а по сути – лишь метафизическое уточнение своей исторической миссии и желаемого в будущем мироустройства, возникнет и как доминантная политическая идея. И, разумеется, она сразу же породит более точные представления о будущем политическом устройстве России. На мой взгляд, не без включения в эти представления многого из того, о чем говорилось в данной статье.